

УДК 94(470)“19”

Федорова Е.Ю.

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ЭПОХИ НИКОЛАЯ I

E. Fedorova

Peoples Friendship University of Russia, Moscow

THE SLAVIC QUESTION IN RUSSIAN SOCIAL THOUGHT OF NICOLAS I EPOCH

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды российской интеллигенции на славянский вопрос в 1830 — 1850-е гг., также сравнивается позиция славянофилов и западников по этой проблеме. Особое внимание уделяется основным компонентам славянской идеи, а также причинам ее актуализации в контексте эпохи правления Николая I. Прослеживается эволюция восприятия славянского вопроса в годы Крымской войны 1853 — 1856 гг. В период правления Николая I вторая составляющая славянского вопроса — проблема взаимоотношений России и Польши, как главных соперников в славянском мире — обретала все более конкретные черты. Интеллектуалы николаевского времени, формулируя суть польского вопроса, затрагивали и его взаимосвязь со славянской проблематикой. Национальные чувства, зародившиеся в русском обществе в связи с польской проблемой, послужили интегратором практически всех течений общественной мысли.

Ключевые слова: славянский вопрос, славянофилы, западники, уваровская триада, Крымская война, польский вопрос, интеллектуалы николаевского времени, национальная идея.

Анализ эволюции славянского вопроса в эпоху Николая I позволит рассмотреть не только содержание его различных интерпретаций, представленных основными течениями общественной мысли России, но и связь его основных элементов с изменениями внешнеполитического курса и международного положения страны.

При этом необходимо отметить, что славянский вопрос вызывал определенный интерес отечественных историков [4; 12; 13; 14]. Однако проблема его дифференцированного восприятия представителями различных направлений общественного движения России, а также воздействия меняющегося исторического контекста на его основные компоненты еще не стала объектом специального исследования.

Активная внешняя политика России на Балканах, результаты разделов Польши привели к тому, что национальную элиту страны стала волновать будущность юго-славянских народов, связанная с обретением независимости и отношениями с Российской империей. Так начинается формироваться славянский вопрос, который в 30-40-х гг. XIX в. актуализируется, вызывая все больший общественный интерес.

© Федорова Е.Ю., 2013.

Теперь, в отличие от предшествующего периода, когда славянская проблема сводилась к указаниям как на религиозные, языковые, бытовые сходства угнетенных юго-славян с православным населением России, так и на необходимость их освобождения от турецкого ига, происходит его осмысление с помощью научных и политических категорий. Теоретической базой славянского вопроса явилась национальная идея, которая развивалась с начала XIX в. как следствие распространения либеральной доктрины на Европейском континенте.

В период идейных споров славянофилов и западников отечественная интеллигенция обращалась к философии истории, изучение которой предоставляло ответ на вопрос о закономерностях исторического развития России, славянства и народов Европейского континента. В кругу интеллектуалов обсуждалась также проблема необходимости создания каждой нацией собственного государства. Особую остроту ей придавала борьба южных славян и поляков за независимость.

Отправным пунктом в спорах западников и славянофилов являлось их различное отношение к Западной Европе. Историк-гегельянец, один из руководителей западнического кружка Т. Н. Грановский, оказавший большое влияние на современников, считал, что «человечество одушевлено одним духом, который обособляется в большие или меньшие круги, и идет правильным путем развития» [9, с. 47]. Таким образом, складывающаяся в это время западническая, а впоследствии — либеральная традиция, признавала единственно прогрессивным, обеспечивающим условия для свободы личности и правового государства лишь западноевропейский путь развития.

В своих размышлениях западники особое внимание уделяли правам нации. Однако согласно их выводам независимость нации была прерогативой только развитых народов, т. е. тех, которые осознали и приняли принципы либерального развития. Так, либерал-западник В.П. Боткин в письме к П.В. Анненкову в 1847 г. утверждал, что «издали эти славянские стремления имеют много привлекатель-

ностей: я это испытал на себе, а как присмотришься и прислушаешься, то видишь, что, в сущности, лежит вопрос о невежестве и цивилизации» [1, с. 263]. Вместе с тем славянские народы, по мнению русских либералов, были способны приобщиться к западной цивилизации. В итоге европеизация и достижение необходимого уровня цивилизованности славянскими народами представлялась западникам-либералам 1840-1850-х гг. более важной исторической задачей, чем их стремление к национальному освобождению.

Славянофилы в отличие от западников отдавали приоритет национальному перед общечеловеческим [11, с. 57]. В духе романтической школы «философии истории» они подчеркивали противоположность Востока и Запада, Европы и России, мира романо-германского и греко-славянского [3; 10]. Славянофилы считали, что России были чужды социальные и политические конфликты, характерные для западноевропейских стран. Россия, стоящая во главе всего «славяно-православного Востока» и обладающая великим нравственным началом, могла и должна была, по их мнению, служить мощным противовесом революционному и «антихристианскому» (католическому и протестантскому) Западу.

Следует отметить, что славянофилы дореформенного периода особое значение придавали религиозной общности со славянскими народами: «Если мы поставили *единоверных* прежде *единоплеменных* и намерены обратить наше особенное внимание на первых, то не потому только, что Россия с ними наименее знакома, но и потому, что прежде и выше всего мы полагаем связь веры...» [2, с. 231]. Славянофилы позиционировали себя хранителями русских традиций и представителями исконно русского архетипа сознания, главной составляющей которого являлась религиозность мировосприятия. Поэтому в размышлениях о славянском вопросе для славянофилов и была так важна связь с верой. Важно отметить, что славянофилы не были чужды либеральным веяниям и противопоставляли Россию Европе в глобальном, духовном смысле.

Особое отношение к славянскому вопросу складывалось в правительственных кругах. Прежде всего, оно определялось неприятием властью славянофильской теории, противоречившей провозглашенному ею курсу охранения от западных идей не только революционного, но и либерального толка. Кроме того, для политики Николая I национализм с оттенком русского превосходства был неприемлем, ибо в понятие «народность» уваровской триады была заложена идея единства самодержавия с народом всей Российской империи, предполагавшая космополитичность власти российского монарха.

Заметим, что в обсуждении славянского вопроса в славянофильских трудах отсутствовал международный аспект. Вероятно, свою роль здесь сыграло как благоприятное, во всяком случае, до середины века, международное положение России, отсутствие реальной угрозы со стороны Европы, так и запрещение правительством Николая I обсуждать вопросы внешней политики. Может быть, поэтому славянофилы 1840 — начала 1850-х гг. «не ставили с такой четкостью идею всеславянского объединения под эгидой России» [14, с. 59]. Отсутствие привычной формы обсуждения славянского вопроса в трудах славянофилов, то есть реальной теории политического союза славян, позволило некоторым исследователям утверждать о сугубо национальной, русской проблематике сочинений А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова и др. [15, с. 175]

В дальнейшем, по мере того, как ухудшалась международная обстановка, славянофилы стали «расширять рамки своей деятельности, а национальный принцип приобрел у них все большее значение, отесняя на задний план религиозное начало» [14, с. 60]. Примечательно, что именно в годы Крымской войны они начали уделять пристальное внимание национальному аспекту в славянском вопросе.

Славянофилы надеялись на победу России, мечтали о развале Турции и самоопределении балканских народов [4, с. 29]. Однако энтузиазм, с которым встретили А.И.

Кошелев, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин и др. начало Крымской войны, постепенно пропал. По мнению исследователя В.А. Китаева, «под давлением обстоятельств славянофилы вынуждены были признать не только то, что «унизительная, бессмысленно веденная война хуже унизительного мира», но и то, что поражение «сноснее» и «полезнее» того положения, в котором находилась в последнее время Россия» [7, с. 170].

Западники, в отличие от славянофилов, с самого начала Крымской войны заняли позицию, близкую к пораженческой [17, с. 251]. Во многом она вызывалась ожиданием либеральных реформ, переход к которым был сомнителен в случае победы России в войне. К тому же либералы отдавали предпочтение развитию свободы личности, благосостоянию населения, а не международному статусу страны.

В годы Крымской войны представители двух направлений общественной мысли получили возможность обсуждения славянского вопроса в его связи с международными отношениями, что создавало дополнительные условия для его теоретического осмысления.

В период правления Николая I вторая составляющая славянского вопроса — проблема взаимоотношений России и Польши, как главных соперников в славянском мире — обрела все более конкретные черты. Интеллектуалы николаевского времени, формулируя суть польского вопроса, затрагивали и его взаимосвязь со славянской проблематикой, которая стала более очевидна и обоснованна в пореформенной публицистике.

Польский вопрос и связанная с ним проблема западных губерний своцарением Николая I обострилась. Восстание 1830 г. ускорило административную и правовую унификацию в западных губерниях, также изменилось положение и в самой Польше.

В 1830-х гг. историки Н.Г. Устрялов и М.П. Погодин начали пропагандировать идеи об «исконно русском» происхождении русинского населения присоединенных к империи по разделам восточных областей бывшей Речи Посполитой. «Эти идеи станут впоследствии

официальной идеологией в определении отношения имперских властей и русского национализма как к польским претензиям на западные окраины российской империи, так и к сформировавшемуся вскоре модерному украинскому национализму» [6, с. 111].

П.Я. Чаадаев в статье под названием «Несколько слов о польском вопросе» (1831 г.) отмечал благородство российского правительства по отношению к Польше: «На всем протяжении нашей обширной империи русские и поляки пользуются одинаковыми правами. Поляк вступил через это соединение в среду того обширного союза славянских народов, который составляет империю, и этим самым стал пользоваться многими преимуществами, которые естественно вытекают из принадлежности к сильному государству» [16, с. 183]. Несмотря на апологетическое отношение к Западной Европе, которое доминировало в его статьях 1830-х гг., философ, так же как и консервативные мыслители, считал, что польское владычество в Литве, Белоруссии и Малороссии оставило в памяти русского народа, населяющего эти территории, воспоминания о насилиях и ненависть. Своим освобождением население западных окраин отчасти обязано русскому правительству [16, с. 183]. Мыслитель представлял дальнейшее процветание Польши только в окружении славянских народов.

Зародившееся еще в 1843 г. и активно действовавшее на Украине в 1846 — 1847 гг. Кирилло-Мефодиевское общество <...> сделало идею славянской взаимности одним из краеугольных камней своей программы и деятельности [5]. Члены этого общества, в том числе знаменитый историк и публицист Н.И. Костомаров, стали одними из первых представителей украинского национализма.

Важнейшей задачей освободительной борьбы в проекте устава объявлялось создание в будущем политического объединения славянских народов [5, с. 149-156]. При этом делалась оговорка, что «каждое славянское племя должно иметь свою самостоятельность... Каждое племя должно иметь правление народное и соблюдать совершенное

равенство сограждан по их рождению, христианским вероисповеданиям и состоянию» [5, с. 85]. Члены общества, указывая на культурную самобытность украинского народа, все же ратовали за союз с Россией на федеративной основе, что предполагало определенную политическую независимость Украины. Для правительства и общественных деятелей того времени украинский национализм был неприемлем. Однако в отличие от польского национализма украинский не представлял для властей реальной угрозы. Украинские интеллектуалы отстаивали в первую очередь культурное своеобразие своей родины, в то время как поляки в 1830 г. выступили с лозунгами восстановления суверенитета и территории Речи Посполитой.

Национальные чувства, зародившиеся в русском обществе в связи с польской проблемой, послужили интегратором практически всех течений общественной мысли. В славянофильской, консервативной и западнической печати можно проследить осуждение польского сепаратизма [7; 8]. Польская проблема способствовала необходимому сплочению общества перед началом Великих реформ.

В общественной мысли России польский и украинский (украинцы не признавались за отдельную нацию) народы стали восприниматься как неотъемлемая часть Российской империи. В российской публицистике вопрос об их независимости и вхождении на равных в федеративный союз с Россией в теориях славянского единства не рассматривался.

Философско-теоретическая база национальной идеи, разработанная в трудах славянофилов и западников, а также обоснование польской проблемы в трудах интеллектуалов николаевского времени стала главным фактором дальнейшего развития славянского вопроса, как в общественной мысли, так и в публицистике.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боткин В.П. Литературная критика, публицистика, письма. — М.: Наука, 1984. — 320 с.
2. Валуев Д.А. Предисловие к «Сборнику исторических и статистических сведений о России и

- народах ей единовѣрных и единоплеменных» (Ч. 1. М. 1845.) // *Славянофильство: pro et contra*. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. -1056 с.
3. Деникин А.В. Консерватизм и либерализм в социально-философской мысли России XIX века: становление методологии. — М.: Народный учитель, 2000. — 192 с.
  4. Дьяков В.А. Славянский вопрос в жизни дореволюционной России. — М.: Наука, 1993. — 205 с.
  5. Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846 — 1847). — М.: Изд. Моск. Университета, 1959. — 172 с.
  6. Западные окраины Российской империи. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 608 с.
  7. Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2008. — 355 с.
  8. Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860 — 1880 гг.). — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. — 377 с.
  9. Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья. — М.: АН СССР, 1961. — 211 с.
  10. Малинова О.Ю. Традиционалистская и прогрессистская модели национальной идентичности в общественно-политических дискуссиях 1830 — 1840-х гг. в России // *Консерватизм в России и мире*. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. — 221 с.
  11. Поломошнов А.Ф. Россия в культурно-историческом пространстве (Н. Данилевский и В. Соловьев). — Ростов н/Д. :Изд-во Южного федерального ун-та, 2007. — 286 с.
  12. Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли XIX в. — М., — 2007. — 132 с.
  13. Пыпин А. Панславизм в прошлом и настоящем. — М: Граница, 2002. — 195 с.
  14. Славянский вопрос: Вехи истории. — М: ИСБ, 1997 — 209 с.
  15. Цимбаев Н. Историософия на развалинах империи. — М.: Международный ун-т в Москве, 2007. — 614 с.
  16. Чаадаев П.Я. Сборник. — М., — 1998. — 763 с.
  17. Чичерин Б.Н. Воспоминания. — М. 2010. — 496 с.